

P2
H 34

Владимир Науменков

ПТИЦЫ-ЗАРНИЦЫ

Стихотворения
Поэмы

704409

КР

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАМЧАТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

843p7
H34

Нам
областная библиотека
ИНВ. 704409

В новую книгу поэта
Владимира Науменкова
вошли стихотворения,
посвященные Родине.
Поэт остро ощущает
кровную связь между
прошлым и настоящим,
между поколениями лю-
дей.

Г. Поротову

Природа нас мудрости учит,
а люди — над миром летать.
Душа у народа певуча
и слово — ей слово под стать.

Нам доброе слово — отрада,
его сотворила природа —
певучую нашу награду —
подарок родного народа.

* * *

Моя деревня — избы да дворы,
дорога по распаханному полю,
солдатки-ветлы, сад для детворы
и выгон с подгоревшей муравою.

Да силуэт далекий ветряка, —
чем старше он, тем крылья тяжелее,
и детства незабвенная река
у леса — голубое ожерелье.

Как раньше было, так и до сих пор, —
пробеганное, узнанное нами;
все, как всегда — покоен тут простор,
промерянный саженьями-столбами.

Светло все так под синей высотой,
повисли птахи песнею в пареньи,
и сад налит тяжелой красотой —
готовы груша с яблоком к паденью.

Но как убрать из памяти очей
перед лицом таких простых понятий —
у речки ряд обугленных печей
и труб над ними каменных распятий?!

* * *

Соберутся вдовушки
Погрустят и выпьют.

Песенки-соловушки —
боль из сердца выльют.

А на зорьке ранней,
заплетая косы,
вспомнят про Иванов,
вспомнят, заголосят:

«Оторвал от младости,
груди сохнут девичьи,
не довел до старости,
что же мы теперича...»

Горевали, плакали,
но весь век не выплачешь,
зацветала маками
вновь краса девичая.

Вдовьими косынками
нивы полыхали:
матери косили,
матери пахали.

А теперь вы, вдовушки,
нам детей качаете,
песенки-соловушки
внукам напеваете.

* * *

Косари, косари, луг и травы далече,
только в памяти слышно, как косы звенят,
и звенят соловьи у сиреновой речки,
у родимого Сейма, оглушая меня.

Я стою на поляне, где травы некошены,
а за речкою роща синее вдали,
и по росам и травам звенящими косами
журавлиной цепочкой прошли косари.

На поляне не видно рубашек холщовых,
нет в помине повозок косцов у раakit,
но ракиты стоят словно тени отцовы,
и всю соловьиная песня звенит.

* * *

✓ Как далекий напев голосистых солдаток,
пробудившийся вдруг из мальчишеских лет,
слышу вздохи серпов от зари до заката...
Все звучит и звучит, и конца ему нет.

Колыхались поля золотыми коврами,
и над нивой плыло полуденное марево.
На горячих серпах васильки умирали
и в глазах отцветали бездонных у матери.

Тихо станет. И жниц провожает закат,
бликом теплым своим, как слезою блеснувший.
Отойдут они в сень одиночества хат,
васильками и травами серп обернувши...

ДУБРАВА

В моем краю дубрава — мать лесов,
степенная, как песня или речка,
щебечет вся на сотню голосов
и там стоит родимая извечно.

Рогатины и лавки, мало ль дел
дед мастерил, из дуба хату строил.
Как дуб, всегда на лавке он сидел,
суров, и прям, и праведно-пристойен.

На праздники дед песню заводил,
чтоб не шумела мать лесов дубрава,
чтоб зеленел великий господин,
чтоб не припала к дубу ввек потрава...

Идет на стулья, ложки, на столы
(для обихода нет дерев пригожей),
для хат снимают тяжкие стволы
и для могил стволы снимают тоже.

А дед прислаб. «Не я ему чета, —
дед вымолвит и дуб рукой погладит, —
сто лет к тысячелетию — маята —
дубрава вон стоит в своем наряде!...».

У БЕРЕГА

Никто не знает, кто тому виной,
когда качаться море будет сонно,
когда предстанут траурными сопки,
поднятые над вспененной водой,
никто не знает, кроме той, одной,

Никто не знает, как ударит в грудь
холодный сумрак голубой неволи,
и побегут в глазах печальных волны,
и обнажат невозвратно суть —
она поймет, что — нет и — не вернуть.

Никто не знает, как смотреть туда,
куда уходят, оставляя пену,
где вырастают голубые стены
и онемело мечется вода —
она глядит, а там живет беда.

Никто не знает, сколько будет сниться
тот плеск в ушах, тот вечный грохот моря,
он, как слезами, вновь ее умоет,
и ей от вод уже не отрешиться,
ей океан теперь, как поле боя.

Ей ненавидеть этот блеск зыбей,
всю эту синь, что под ветрами тает, —
они ее ничем уж не одарят,
вот только б надо каждою зарей
взглянуть хоть раз на голубые дали.

Но пусть не будет только одного,
ты победи в себе глухие стоны,
пусть синее надгробие его
всегда шумит березами зелеными.

ПЕСЕНКА О ЗАБЫТЫХ ПРИЧАЛАХ

Забытые причалы, забытые причалы...
Причалены навечно разбитые суда.
Здесь только крики чаек, облитые печалью,
да среди палуб бредит ушедшая вода.

Стоит здесь пол-«Буруна», лежит здесь
часть «Тайменя».

Таинственные сходни маячат по бортам.
По ним восходят луны, добро на вход имея,
и в штормовые ночи стоят на вахте там.

Забытые причалы, забытые причалы,
лишь белые наматы окатывают вас,
чтоб вам, как и вначале, от моря полегчало,
чтоб вновь шатнулся трепетно
разломанный кунгас.

О горе-мотоботы, о боги-мотоботы!
Работа ваша — в прошлом,
а в нынешнем — покой.

Водил вас в море кто-то,
таскал из моря кто-то...
Волна идет с поклоном и бьет земной поклон.

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Играют марш «Прощание славянки» —
матросы флот российский покидают.
Играют марш торжественно и свято,
теперь его в последний раз играют.

Есть прелесть в этом поседевшем марше.
Аккорды спят, до времени притихшие.

Не отпевают звуки эти павших,
Встречают им из боя возвратившихся.

Когда под дымом города увяли
и над тобой, земля, кресты нависли,
играли марш «Прощание славянки»
отцам ушедшим юные горнисты.

Играют марш «Прощание славянки»,
мелодия сквозь сердце — тихой болью
расходится по голубым полянам,
где мы, мой друг, прошли вчера с тобою.

Моря замрут, и моряки поклонятся —
матросы, отслуживши срок, уходят...
Волна со стоном о причал расколется.
В последний раз вздохнут за нами сходни.

СТАРЫЙ КОРАБЛЬ

Стоит корабль гигантской черепахой
в плену у толстых тросов,
а пирс ему навечно — плахой,
и в море хочется матросам.

Но старику не видно бонов,
не выйти в штормовые баллы,
недаром шутят: «А стоит-то он,
наверно, на консервных банках...»

Скрываясь в море с головой,
касаткой юркнет лодка,
а он дымит большой трубой,
бугрятся на бортах заклепки.

Она придет, а он стоит,
как будто человек безродный,
и позавидует старик
бокам ее ободранным.

Но вот однажды — видел рейд, —
когда, толкнув винтами сваи,
в предчувствии ветров морей
он ненавистный пирс оставил.

Оставил землю и ушел
в последний раз вдохнуть простора.
И трепетал на мачтах шелк,
шелк был ветрами вновь прострелен.

Знобили палубу валы,
в котлах гудело пламя,
он жил опять, круша волну
тяжелыми бортами.

Он штормовые капли пил,
он спал в туманном мехе,
и долго был пустынным пирс
с покинутыми кнехтами.

Но задымил опять у скал,
бросая шапки дыма черного,
казалось, он тоску плескал
судьбою обреченной.

На скалах плавился закат,
стучало море в берег.
Он шел задумчиво назад,
как в путь последний Витус Беринг.

Не бросив голубых дорог,
застопорил машины в силе:

он швартоваться сам не мог —
его тащили на буксире.

* * *

Своими распадками-струнами
мне будет звенеть и звенеть
полувысохшая, рыжая тундра,
не оттаявшая в глубине.

Здесь над тундрою рано никнут,
словно знают — в снега полягут,
стебли тонкие ягод княженики
и фонарики волчьих ягод.

Я стоял, осененный не яркостью
этих мест, не оттаявших к осени,
а последней пронзающей ясностью,
той, что тундра осенняя носит.

Был костер из деревцев погибших,
и русалка с грибами была,
чье дыхание над тундрой парило
в торжестве своего естества.

Шло в костре полыхание Севера,
до весны в небеса уходило,
оставляя мне тундру осеннюю
в седине горьковатого дыма.

СЕВЕРНЫЙ ПРИВАЛ

Что мы могли прекраснее найти,
усталые, давно вдали от дома?!
Есть радость ощущения пути
в часы больших привальных остановок.

Среди угрюмых и прибрежных скал,
что встали на пути у моря грозно,
где есть приют лишь каменным березам,
мы сотворили Северный привал.
Не показалось, не приснилось мне
и не от ветра возникали слезы —
мы были приложением к земле,
к ее кривым и каменным березам.
Мы кланялись в каком-то полусне,
как будто бы клялись на поле брани,
корявым веткам стланника, траве
и даже морю синему под нами.
Объединял нас Северный привал,
входил в нас запах дыма и морошки,
мы становились частью этих скал
горбатых, со снегами на макушках.
Мы понимали, чем привал нам свят
останется, когда его покинем...
Горел костер, лежал в огне закат
и отражался всплесками в заливе.
Залив гудел, зазывно говоря,
и нес на скалы вспененные межи.
Даруют нам очищенность моря,
как люди жизнь угрюмым побережьям.

ОЩУЩЕНИЕ ТУНДРЫ

Тундра — пламя снегов.
Тундра — тропы великих кочевий,
голубых берегов
и смертельно слепящих качелей.
Ты пытала меня,
оплетая копыта олени,
для безверья в тебя,
для шаманского, что ли, поверья.

Вот снега,
вот меха —

оторви их от сердца, попробуй,
словно тот малахай,
что со мной остается до гроба.

Научи меня воле,
безволие поправ,
и нетающей боли!

Отлучи от безбольных отрав —
созерцать наготу высыхающих трав.

Есть предел у простора —
предчувствовать грудью беду,
полоснет, как простонет,
твой ветер в метельном бреду.

И тогда у ночевок
горят воспаленно кухлянки
и глядят на чаевки
глазами голодными лайки.

А пастух Мулювье,
повелитель хаилинских стойбищ,
предан только тебе
и твоим заметенным устоям.

Он на гонках, как бог,
на своих белогрудых, летящих.
Диким посвистом ног
бьют олени снега уходящие.

Тундра, даришь красу,
только можешь ударить расплатой —
вдруг уступит пастух,
на снегу у распадка распластанный.

ЗАПОЛЯРНЫЙ ЭТЮД

Белое, белое марево,
холод. Чукотский нос.

Нас Уэлен принимает
в белых монистах из слез.
Нос этот чертов на карте
вовсе не нос, а поля —
белые, белые камни,
рыжая, в дымке земля.
Каждый прыжок самолета
над ледяною страной
молча проходят пилоты,
молча, ведь север немой.
Мы над Чукоткой немою
в царстве снегов и ветров,
а над снегами, над морем
белые взрывы хребтов.
Русь позади остается.
Мы — у ее рубежа,
там, где полярное солнце
светит клыками моржа.
Вот и конец побережью,
взрываю и скалам седым.
Снег уже лыжами режем
и по сугробам бежим.
Солнце из моря спросонок
ластами встало на лед.
Девочка, словно нерпенок,
смотрит на наш самолет.

НОВЫЙ ГОД В УЭЛЕНЕ

Ни ветки в Уэлене в Новый год.
Кругом снега — какие в тундре ветки.
Кругом моря — их поднимает ветер
во время заполярных непогод.

Но ветер в Новый год, наверно, спал,
укрывшись в щелях ледяных торосов.

И в сельском клубе новогодний бал
покачивался пляской эскимосок.

Чего-то в клубе не хватало нам,
когда поднять бокалы было нужно,
мы вышли в ночь с поклонами снегам
и продолжали новогодний ужин.

Заснеженный поселок плыл в огнях,
светилось небо, как нигде не светится.
И были мы, как будто бы в санях,
и нас катила по снегам Медведица.

И Пеликен, наш костяной божок,
как дед-мороз, но только без тулупа,
стоял в снегах, без валенок — босой,
и нам дарил улыбку неподкупную.

Потом я в доме чукчей чаевал.
Чаяк дымился синевой морозной.
А Новый год на запад кочевал,
за ним на запад кочевали звезды.

УЭЛЕНСКАЯ АКВАРЕЛЬ

В окно ударил пламенем восход —
ужели там пожары на Аляске?!
Снега горели и топились лед,
покров ночной взрывали блики красок.

Не разгорался — угасал пожар.
В проливе он дымился, оседая.
Но шар вставал, тяжелый, красный шар,
на спинах голых заполярных далей.

Светились дали, поднимая свет,
хребты лежали под покровом золота.

Ночь наступала тут же на рассвет,
на золото хребтов у горизонта.

Потом в торосах ветер загудел
и гребни моря стали подниматься —
пролив дышал, шатаясь, шар висел,
готовый навсегда в пролив сорваться.

Оттрепетало солнце, отцвело,
усы моржа слились с простором белым.
День уходил, едва придя в село,
и сумрак ночи лег над Уэленом.

* * *

Жаворонки в бескрайних полях,
соловьи по зеленым дубравам...
Моя родина в курских краях
шелестит золотистыми травами.

У лесов — заливные луга
с косарями на росном восходе.
Там сады по весне, как снега,
деревеньки у рек — в хороводе.

Моя родина там, далеко...
Ее облик вишнево-зеленый...
От него лишь напев отдаленный,
но такой, что порой нелегко.

Моя родина здесь, где встает
солнце в дымке снегов, и отсюда
оно явится русскому люду,
где соловушка в рощах поет...

Лето каждое тундра цветет,
лето каждое, каждое, каждое...
И мне кажется, кажется, кажется,
соловей над Чукоткой поет.

Эта птица — в пустых небесах,
словно призрак полярного лета.
Неохватность ее перелета,
как виденье в родимых лесах.

И над голой и дикой землей,
над хребтами, над падами сонными,
надо всеми моими просторами
он поет, заколдованный мной.

Как услышу, так сердце замрет.
Что за голос, не знающий страха!
Надо всею Россией поет
соловей — эта малая птаха.

ОТ КОЧЕВЬЯ ДО КОЧЕВЬЯ

От кочевья до кочевья — наша зона...
Зона внутреннего зова и закона
нас уводит от кочевья до кочевья,
отбирая нас у старого кочевья.

У поэтов есть свои кочевья —
это жизнь во имя слова или славы
или детские опасные качели.
От кочевья до кочевья наши главы.

Постоим же у своей большой дороги
и поклонимся кочевьям прошлых лет
за крутые повороты, за тревоги,
сожалея, что их больше с нами нет.

До свиданья, до свиданья, мой Степаныч.
Твои годы, словно горы, здесь лежат.
Твои реки по весне в моря стекают.
Ты уехал в Кострому, а тундру жаль...

В сны уйти, где можно бредить счастьем,
вспоминать, где был проигран первый бой.
Мне ведь тоже будут сниться кольца чаута —
ремешок из лахтака, подарок твой.

Это больно — никогда не знать метелей,
на Чукотке в снежных ямах, как в аду.
За Уралом твои волосы белеют,
до кочевий каюры других везут

Старый день давно убавил крылья.
Новый рвется и кочевьями гудит,
где работают опять все той же кровью,
а кочевья остаются позади.

СОДЕРЖАНИЕ

«Природа нас мудрости учит...»	3
Под небом голубым	
«Моя деревня — избы да дворы...»	4
«Соберутся вдовушки...»	4
«Косари, косари, луг и травы далече...»	5
«Как далекий напев голосистых солдаток...»	6
Дубрава	6
Дед Корча	7
Толока	10
Полтора Ивана, полтора Андрея	14
«Лев Александрович Политов...»	16
У Медыни	17
Земля над океаном. Поэма	19
Гроза Тютчева	
«Веселый гомон нарастал...»	33
Федька Соловей	34
Лишь накат ударяет	35
Осенняя сказка	36
«До конца отгореть не смогла...»	36
«Лежал восход на постаменте скал...»	37
Денису Максименко	38
Дорога	39
У Машука. Три этюда	40
Морская сказка	43
Точило	45
Горелый лес	46
«У излучины дороги...»	47
Старики	47
Гоген у Килпалина	49
Птицы-зарницы	
«...И прошлым лицо озарится...»	51
Копье и посох Пересвета. Поэма	52
Смотр девок	58
Венчание Грозного на царство	60
Чумной бунт	61
Последняя дума Кондратия Рылеева	63
Сны на тракте	65
«Если б Пестелей было пять...»	67
Причет Пушкина	69
У военной тропы	71

Слово	71
От кочевья до кочевья	
«Здравствуй, северный край у морей...»	73
«У пролива Дианы...»	73
Вторая жизнь	74
Есть край земли...	75
Там нет берез	75
«Над косяками синими хребтов...»	76
Голубые покосы	77
Песенка об Аваче	78
На походе	78
У бухты	79
На сопке Никольской	80
В Аваче	80
«У этой вспененной воды...»	81
У берега	82
Песенка о забытых причалах	83
Прощание славянки	83
Старый корабль	84
«Своими распадками-струнами...»	86
Северный привал	86
Ощущение тундры	87
Заполярный этюд	88
Новый год в Уэлене	89
Уэленская акварель	90
«Жаворонки в бескрайних полях...»	91
От кочевья до кочевья	92